

**Статья в журнале «Аналитические записки Института Европы РАН»
(Выпуск I) № 6, 2026 (№ 417)**

**Стратегия национальной обороны США 2026 года: последствия
для безопасности РФ в европейском контексте**

С.Н. Гриняев

Аннотация. Статья посвящена анализу Стратегии национальной обороны США 2026 года с акцентом на европейский вектор в безопасности России. Автор рассматривает концептуальные основы подходов «Америка превыше всего» и «мир через силу». Особое внимание уделяется переоценке роли европейского театра в системе стратегических приоритетов США, механизмам перераспределения бремени обороны между союзниками по НАТО и последствиям этих трансформаций для российских интересов. Исследование выявляет вызовы и риски для России, включая качественное усиление военного потенциала европейских членов альянса, укрепление интеграции оборонных систем НАТО и потенциальную эскалацию напряженности на восточном фланге. Автор обосновывает возможности России по адаптации к новым условиям стратегической конкуренции в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Стратегия национальной обороны США, Стратегия национальной безопасности США, НАТО, европейская безопасность, российско-американские отношения, стратегическое сдерживание, распределение бремени обороны, военный баланс.

Стратегия национальной обороны США 2026 года (далее СНО)¹ – важнейший документ в эволюции американской стратегической мысли, отражающий радикальное переосмысление роли военной силы в системе национальных интересов. Он формулирует

Автор. Гриняев Сергей Николаевич – доктор технических наук, главный научный сотрудник Центра арктических исследований Отдела государственных исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Email: sgreen@csef.ru

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics1620263947> EDN: <https://www.elibrary.ru/MZZKKI>

Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

¹ 2026 National Defense Strategy: Restoring Peace Through Strength for a New Golden Age of America / U.S. Department of War. Washington, DC: Department of War, 2026. 24 p. <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 24.01.2026).

новую архитектуру глобального присутствия американских вооруженных сил. СНО тесно связана со Стратегией национальной безопасности 2025 года², которая отражает основы внешнеполитического курса администрации Д. Трампа. Оба документа базируются на принципах «гибкого практического реализма» и приоритета конкретных американских интересов над абстрактными глобальными обязательствами. Для РФ СНО важна тем, что меняет характер военного присутствия США в Европе и логику сдерживания на Европейском континенте.

СНО строится на четырех ключевых элементах: защита американской территории; сдерживание Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР); увеличение вклада союзников в коллективную оборону и ускоренное развитие военно-промышленного комплекса. Документ формулирует иерархию угроз: КНР определяется как главный стратегический вызов, а РФ – как «постоянная, но управляемая угроза» для стран на восточном фланге НАТО. Это отражает продолжение переоценки значимости европейского театра военных действий для США в свете их концентрации на АТР. Концепция «мир через силу» предполагает сдерживание противников не путем прямой конфронтации, а через демонстрацию способности нанести неприемлемый ущерб. СНО отвергает прежний интервенционизм и смещает акцент на защиту прямых интересов США, включая экономическую безопасность и контроль над ключевыми транспортными коридорами.

Стратегия национальной безопасности, принятая 4 декабря 2025 г., служит основополагающим документом для Военного министерства США. Она устанавливает приоритет защиты американской территории, восстановление промышленного потенциала и создание условий для переговоров с позиции силы. Документ критикует предыдущие стратегии национальной безопасности как «список расплывчатых устремлений, которые в конечном итоге потерпели неудачу»³ и провозглашает переход от экспансивных глобальных обязательств к консолидации внутренних ресурсов. Взаимосвязь двух документов отчетливо видна в единой методологии распределения угроз и координации военно-политических инструментов для достижения стратегических целей.

Европейский театр в системе приоритетов США

СНО понижает статус европейского направления в иерархии американских оборонных приоритетов и прямо указывает, что по мере концентрации усилий США на защите собственной территории и сдерживании Китая европейские союзники должны взять на себя основную ответственность за оборону континента при «критической, но ограниченной»⁴ поддержке американских сил. Это означает сокращение постоянного военного присутствия США в Европе и перераспределение ресурсов в пользу других театров. Авторы СНО

² National Security Strategy of the United States of America. November. 2025. The White House. 29 p. <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).

³ Ibid. P. 1.

⁴ 2026 National Defense Strategy. Op. cit. P. 14.

заявляют, что экономический потенциал европейских стран НАТО многократно превосходит российский, создавая объективные предпосылки для того, чтобы они самостоятельно сдерживали РФ. Одновременно документ фиксирует, что США сохраняют критически важную роль в альянсе, включая ядерные гарантии и поддержку в высокотехнологичных областях (разведка, связь, целеуказание и пр.).

Переоценка российской угрозы в СНО носит двойственный характер. С одной стороны, документ признает, что Россия «обладает существенными резервами военной и промышленной мощи», продемонстрированными в ходе специальной военной операции на Украине. С другой – авторы документа считают, что РФ «не в состоянии претендовать на европейскую гегемонию», поскольку экономический и демографический потенциал европейского Запада значительно превосходит российский.

Центральный элемент СНО – требование к союзникам по НАТО существенно увеличить оборонные расходы. На саммите в Гааге в июне 2025 г. Д. Трамп продвинул новый стандарт военных расходов на уровне 5% ВВП, из которых 3,5% должны направляться на собственно военные нужды, а 1,5% – на расходы, связанные с безопасностью. Это беспрецедентное повышение планки по сравнению с прежней целью в 2% ВВП, установленной на Уэльском саммите 2014 года⁵. Согласно плану инвестиций в оборону, принятому в Гааге⁶, страны НАТО должны представить национальные дорожные карты достижения целевого показателя к середине 2026 г., промежуточный обзор результатов запланирован на 2029 г., а окончательный срок установлен на 2035 год.

СНО формулирует четкую систему стимулов для союзников, готовых брать на себя большую долю ответственности за коллективную оборону. Военное министерство США отдает приоритет сотрудничеству с «образцовыми союзниками», которые демонстрируют адекватный уровень оборонных расходов и активно действуют против угроз в своих регионах посредством продажи вооружений, кооперации в оборонно-промышленной сфере, обмена разведывательной информацией и других механизмов взаимодействия. Для европейского театра это означает, что страны восточного фланга НАТО, больше других разгоняющие нарратив «угрозы с Востока», получают приоритетный доступ к американским оборонным технологиям и ресурсам при условии готовности инвестировать в собственное военное производство и закупки. Документ подчеркивает необходимость тесного сотрудничества в области оперативного и силового планирования, а также работы по повышению боеготовности союзных сил для выполнения ключевых задач.

Особое значение имеет акцент на трансатлантическое военно-промышленное сотрудничество и снижение барьеров в торговле военной продукцией. СНО предусматривает использование процессов НАТО (набор стандартных процедур, через которые альянс планирует, закупает, стандартизирует и координирует вооружения и силы) для максимизации коллективной способности формировать силы, необходимые для

⁵ Wales Summit Declaration. NATO. 05.09.2014. <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2014/09/05/wales-summit-declaration> (дата обращения: 24.01.2026).

⁶ The Hague Summit Declaration. NATO. 25.06.2025. <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration> (дата обращения: 24.01.2026).

достижения оборонных целей США и союзников. Фактически создается основа для формирования интегрированного трансатлантического военно-промышленного комплекса, в котором европейские производители будут играть возрастающую роль не только в оснащении собственных армий, но и в поставках для американских вооруженных сил.

Основные вызовы и риски для Российской Федерации

Принятие СНО создает комплекс взаимосвязанных вызовов для безопасности РФ на западном направлении. Первый и наиболее существенный – перспектива качественного усиления военного потенциала европейских членов НАТО в результате увеличения оборонных расходов до 5% ВВП. При реализации Гаагских обязательств совокупные военные расходы европейских стран альянса могут превысить 700 млрд долл. в год к середине следующего десятилетия, что создаст беспрецедентный дисбаланс между РФ и её западными соседями в обычных вооружениях. Россия в 2025 г. потратила на оборону около 7,5% ВВП ⁷, однако абсолютная величина этих расходов существенно уступает потенциальным совокупным расходам европейских членов НАТО. Даже с учетом методологии расчёта военных затрат по паритету покупательной способности разрыв будет увеличиваться по мере наращивания европейцами военных бюджетов.

Второй значимый риск – вероятность изменения конфигурации сил НАТО в Восточной Европе. СНО предполагает сокращение постоянного американского военного присутствия, но европейские союзники могут компенсировать его за счет развертывания собственных контингентов на восточном фланге. Польша, Румыния и страны Балтии уже объявили о планах существенно нарастить национальные вооруженные силы и могут стать ядром новой системы сдерживания РФ без масштабного участия США^{8,9}. Французско-германский аналитический доклад 2025 г. ¹⁰ прогнозирует, что европейские страны обладают необходимым экономическим потенциалом, военными возможностями и технологическим опытом для противостояния РФ к 2030 году. Документ заявляет об их качественном превосходстве в воздушной, морской, космической и кибернетической сферах, тогда как Россия, по мнению авторов доклада, сохраняет преимущество в сухопутных силах благодаря массе, огневой мощи и мобилизационным возможностям.

Третий вызов – усиление интеграции оборонных систем европейских членов НАТО и создание более эффективной архитектуры коллективной обороны. СНО явно поощряет

⁷ Общие расходы Минобороны РФ в 2025 году составили 7,3% от ВВП. Интерфакс. 17.12.2025. <https://www.interfax.ru/business/1063766> (дата обращения: 24.01.2026).

⁸ Poland Unveils Ambitious Plan For NATO's Largest Army. Evrimagaci. 16.08.2025. <https://evrimagaci.org/gpt/poland-unveils-ambitious-plan-for-natos-largest-army-489614> (дата обращения: 24.01.2026).

⁹ All Three Baltic States Signal Intention to Increase Defense Spending to Up to 5% of GDP. Balticsentinel. 02.02.2025. <https://balticsentinel.eu/8184518/all-three-baltic-states-signal-intention-to-increase-defense-spending-to-up-to-5-of-gdp> (дата обращения: 24.01.2026).

¹⁰ Europe-Russia: Balance of Power Review. Ifri. By Marc-Antoine Eyl-Mazzega, Tatiana Kastoueva-Jean, Paul Maurice, Dimitri Minic, Élie Tenenbaum. ISBN 979-10-373-1123-8. <https://www.ifri.org/en/studies/europe-russia-balance-power-review> (дата обращения: 24.01.2026).

европейцев к координации военного планирования, совместным закупкам вооружений и стандартизации военных систем. Это может привести к формированию более консолидированного военного блока на западных границах РФ с улучшенной способностью к совместным операциям и взаимодействию.

Еще один вызов связан с потенциальной передачей европейским союзникам передовых американских военных технологий. Расширение доступа европейцев к современным системам противовоздушной и противоракетной обороны, разведывательным средствам и высокоточному оружию может существенно изменить региональный военный баланс.

Возможности России в краткосрочной перспективе

В краткосрочной перспективе (2027–2028 гг.) РФ располагает рядом возможностей для адаптации к новым условиям стратегической конкуренции. Трансформация европейских вооруженных сил потребует значительного времени: увеличение бюджетов должно быть конвертировано в реальные военные возможности через цикл планирования, закупок, обучения и интеграции новых систем. Россия может использовать это время для укрепления собственных позиций, включая завершение модернизации стратегических ядерных сил, развитие систем высокоточного оружия большой дальности и совершенствование средств стратегического сдерживания, включая новейшие «Авангард» и «Посейдон», а также усиление своего конвенционального потенциала в зонах соприкосновения с НАТО.

СНО подчеркивает стремление администрации Трампа к «гибкому практическому реализму» и готовность вести переговоры с позиции силы для достижения устойчивого мира. Россия может воспользоваться этой установкой для инициирования диалога по вопросам европейской безопасности и выработки взаимоприемлемых договоренностей о военном балансе и мерах доверия. СНО признает, что США не стремятся к унижению потенциальных противников, а заинтересованы в достижении «достойного мира», совместимого с интересами всех сторон при условии разумности требований. Это создает пространство для переговоров о новой архитектуре безопасности в Европе, основанной на балансе интересов РФ, США и НАТО.

СНО также признает формирование многополярного мира и возрастание роли незападных государств в глобальных процессах. Россия может продолжать развивать стратегическое партнерство с Китаем, Индией и другими крупными державами для формирования противовесов Западу.

Четвертая возможность заключается в развитии асимметричных ответов в областях, где Россия сохраняет конкурентные преимущества, включая ядерное сдерживание, космические системы, гиперзвуковое оружие и кибернетические средства воздействия.

Среднесрочные перспективы и стратегическая адаптация

В среднесрочной перспективе (2028–2035 гг.) России предстоит адаптироваться к новой конфигурации долгосрочных отношений с НАТО в условиях значительно возросшего военного потенциала европейских стран. Ключевой должна стать модернизация оборонно-промышленной базы и обеспечение технологической конкурентоспособности российских вооруженных сил. Стратегия национальной обороны США прямо указывает на приоритет «суперускорения» американской военной промышленности и вовлечения союзников в совместное производство передовых систем вооружений. России необходимо ответить на этот вызов путем интенсификации научно-исследовательских разработок, импортозамещения критических технологий и расширения кооперации с незападными партнерами.

Второе направление адаптации связано с оптимизацией структуры вооруженных сил и концентрацией ресурсов на приоритетных направлениях. РФ сохраняет преимущество в наземной составляющей, а европейцы доминируют в воздушной, морской, космической и кибернетической сферах. Следует развивать те области военного строительства, где Россия имеет сравнительные преимущества, одновременно создавая эффективные средства противодействия европейскому превосходству в высокотехнологичных сферах.

Третий элемент – укрепление оборонительной инфраструктуры на западном стратегическом направлении, включая системы эшелонированной противовоздушной и противоракетной обороны, развитие сети командных пунктов повышенной защищенности и создание запасов материальных средств для ведения длительных боевых действий.

Четвертым направлением должно стать активное использование инструментов «мягкой силы» и публичной дипломатии для предотвращения консолидации антироссийского консенсуса в европейских обществах. В СНО говорится о неоднородности позиций европейских стран по отношению к РФ. Необходимо расширять круг государств, заинтересованных в нормализации и развитии сотрудничества.

Пятое направление связано с укреплением военной транспарентности через диалог по контролю над вооружениями и мерам доверия. Несмотря на кризис традиционных механизмов контроля над вооружениями, сохранение каналов коммуникации и выработка новых форматов взаимодействия остается важной задачей для предотвращения неконтролируемой гонки вооружений и снижения рисков непреднамеренной эскалации.

Заключение

Стратегия национальной обороны США 2026 года в совокупности со Стратегией национальной безопасности 2025 года фиксирует наиболее глубокий с окончания холодной войны поворот в американском подходе к применению военной силы: от модели с опорой на стратегическое сдерживание (прежде всего, с использованием ядерного потенциала) к многомерной конфигурации, в которой ключевую роль начинают играть конвенциональные, кибернетические, информационно-психологические и политические

инструменты давления и конкуренции с масштабным внедрением средств искусственного интеллекта как ключевой стратегической платформы.

Если сравнивать нынешнюю ситуацию с решением США 1995 г. о расширении НАТО на восток, то последнее было стратегическим поворотом «структурного» характера: оно меняло состав и географию западного блока, открывая путь к включению стран Центральной и Восточной Европы, а затем и постсоветского пространства, и тем самым – к долговременной трансформации баланса сил вокруг России. Этот шаг задал рамки всей последующей архитектуры безопасности в Европе и был необратим по своей политико-правовой природе: новые члены получили гарантии по статье 5, а Москва – качественно иной стратегический периметр.

Стратегия национальной безопасности 2025 г. и Стратегия национальной обороны 2026 г. формально не меняют границ НАТО, но радикально перестраивают способ использования уже имеющейся инфраструктуры и союзнических обязательств. Они фиксируют приоритет «Америка превыше всего» и доктрину «мир через силу», перераспределяя внимание и ресурсы США между регионами, усиливая требования к союзникам и повышая роль европейских членов НАТО в обеспечении сдерживания РФ, включая рост их военных бюджетов и масштабов вооружённых сил.

В этой связи по значению с точки зрения военного планирования и рисков для России новый стратегический цикл действительно сопоставим с решением о расширении НАТО: он переводит ранее сложившуюся геополитическую конфигурацию в более милитаризованный и технологически насыщенный формат, особенно на восточном фланге. Но по своей природе это другой тип перелома: если 1995 г. был поворотом «геополитическим» (кто входит в НАТО), то 2025–2026 гг. – поворот «операционный» и «доктринальный» (как, кем и в каких сценариях используется уже расширившийся альянс).

Для РФ это означает формирование качественно иной архитектуры военно-политического противостояния в Европе, где формальное снижение приоритетности европейского театра для Вашингтона сочетается с резким усилением военного потенциала европейских членов НАТО и наращиванием их возможностей в сфере гибридных операций, что превращает регион в зону постоянного многоуровневого давления и одновременно повышенной эскалационной неопределённости.

Значимым выводом из проведенного анализа выступает переход американской стратегии от модели прямого военного присутствия и безусловных гарантий к схеме делегированного многодоменного сдерживания, при которой европейские союзники берут на себя первичную ответственность за конвенциональную и гибридную оборону континента, опираясь на ограниченную, но критически важную поддержку США в области ядерного сдерживания, высоких технологий и средств военного искусственного интеллекта. Механизм реализации этой трансформации опирается на Гаагские обязательства о доведении оборонных расходов до беспрецедентного целевого уровня 5% ВВП к 2035 году, что при полном выполнении позволит европейским странам НАТО сформировать совокупный военный потенциал,кратно превосходящий российский как по ресурсной базе,

так и по технологическому оснащению. В то же время сохраняется критически важный временной лаг между принятием бюджетных и технологических решений и их превращением в реальные боевые возможности, включающие развёртывание сложных систем управления, киберобороны и искусственного интеллекта, что создаёт для России стратегическое окно возможностей ориентировочной продолжительностью от трёх до пяти лет, требующее продуманного многоуровневого ответа.

Существующая асимметрия между РФ и НАТО в обычных вооружениях определяет вероятные контуры будущего противостояния, где каждая сторона будет стремиться максимизировать свои преимущества при одновременной нейтрализации преимуществ противника. Для РФ это означает необходимость развивать эшелонированную систему противовоздушной и противоракетной обороны, средства радиоэлектронной борьбы и асимметричные возможности сдерживания при сохранении качественного превосходства в наземном компоненте и гиперзвуковых средствах поражения.

Стратегическая неопределенность, заложенная в американских документах, создает возможности для российской дипломатии. Концепция «гибкого практического реализма» и декларируемое стремление к достижению «достойного мира» на основе взаимного уважения интересов открывают пространство для переговоров о новой архитектуре безопасности в Европе. Реализация этого потенциала потребует от РФ способности вести переговоры с позиции силы, что предполагает сохранение эффективного военного сдерживания и готовность решительно отстаивать свои интересы. СНО указывает, что Вашингтон готов к диалогу с теми оппонентами, которые «сохраняют разумность требований» и признают американские интересы. Это создает основу для потенциального торга о взаимных гарантиях безопасности.

Долгосрочные последствия СНО для России выходят за рамки военного измерения. Формирование интегрированного трансатлантического военно-промышленного комплекса, ускоренное внедрение передовых технологий и консолидация европейского военного планирования создают предпосылки для качественного изменения военного противостояния к середине 2030-х годов. РФ сталкивается с необходимостью синхронной модернизации оборонно-промышленной базы, технологической конкурентоспособности вооруженных сил и системы военного образования при существенно более ограниченных финансовых и технологических ресурсах. Единственный жизнеспособный ответ на этот вызов – модернизация собственной экономики, углубление сотрудничества с незападными державами, прежде всего с Китаем и Индией, для создания альтернативных технологических цепочек и кооперационных механизмов в оборонной сфере.

Успех адаптации России будет определяться способностью избежать двух просчетов. Первым стала бы недооценка угрозы потенциального пятикратного увеличения европейских оборонных расходов и отсутствие качественного пересмотра оборонных приоритетов. Вторым стала бы чрезмерная милитаризация внешней политики и отказ от использования дипломатических возможностей, заложенных в американской доктрине «мир через силу». Оптимальная политика должна сочетать комплексную модернизацию военного потенциала страны с активной дипломатией, направленной на предотвращение

формирования монолитного антироссийского консенсуса в Европе и создание условий для переговоров о взаимоприемлемом балансе безопасности. Только такой подход позволит РФ эффективно отвечать на вызовы новой эпохи конкуренции ведущих держав, сохраняя возможности для защиты национальных интересов как военными, так и невоенными средствами.

Дата выпуска: 9 февраля 2026 года.

2026 U.S. National Defense Strategy: Implications for the Security of the Russian Federation in the European Context

Author: Grinyaev Sergey Nikolaevich, Doctor of Technical Sciences, Chief Researcher at the Center for Arctic Research, Department of Country Studies of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). Address: 11-3 Mokhovaya Street, 125009 Moscow, Russia. E-mail: sgreen@csef.ru

Abstract. The article analyzes the 2026 U.S. National Defense Strategy with focus on implications for the security of the Russian Federation in the European region. The author examines the conceptual foundations of the "America First" approach and "Peace Through Strength" doctrine. Special attention is given to the reassessment of the European theatre's role in the U.S. strategic priorities, mechanisms for redistribution of commitments among NATO allies, and consequences of these transformations for Russian interests. The paper identifies major challenges and risks for Moscow, including qualitative enhancement of NATO's military potential in Europe, strengthening of Alliance defense systems integration, and potential escalation of tensions on the eastern flank. The author highlights Russia's opportunities to adapt to the new conditions of strategic competition in short- and medium-term.

Keywords: U.S. National Defense Strategy, U.S. National Security Strategy, NATO, European security, Russian-American relations, deterrence, defense burden-sharing, military balance.

<http://www.zapiski-ieran.ru>

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics1620263947> EDN: <https://www.elibrary.ru/MZZKKI>

Release date: February 9, 2026.